

УДК 378.4

DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5525>**Университеты нового поколения*****Щелкунов М.Д.**

Доктор философских наук, профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан

Проанализирована совокупность глобальных вызовов классическому университету со стороны современных общественных реалий. Показано, что ответом на эти вызовы становится формирование университетов исторически третьего поколения, сочетающих традиционные функции с новой, предпринимательской миссией. Дана характеристика университета 3.0, представлены его трактовки в научной литературе. Отмечена противоречивость процесса обретения российскими университетами предпринимательской миссии.

Ключевые слова: инновация, миссия, поколение, предпринимательство, университет, экономика знаний.

1. Классический университет перед лицом глобальных вызовов

Стремительно меняющиеся реалии современного мира составляют совокупность исторически беспрецедентных глобальных вызовов новоевропейской системе высшего образования и ее ядру – классическому университету [1, с. 48-54.].

Первый вызов – *инновационный тип общественного развития*, ориентирующийся на перманентное внедрение новшеств, обеспечивающих производство востребованной рынком высокотехнологичной продукции, рост ее качества и отдающий приоритет практико-ориентированному ситуационному («здесь и сейчас») знанию в противовес знанию абстрактному фундаментальному («везде и всегда»). Обратной стороной перманентных инновационных изменений становится рискогенность общественного развития – постоянное производство обществом экологических, технологических, экономических, социально-политических, институциональных рисков [2, с. 196-197]. В условиях перманентной изменчивости, непредсказуемости, случайности, неопределенности, рискогенности окружающей человека информационно-технологической среды классические университетские способы и формы трансляции знания теряют свою эффективность, дискредитируются «текущей современностью» (термин З. Баумана).

Другой вызов – *экономоцентризм* в качестве основы общественных отношений. Он нацелен на

тотальный товарно-денежный характер обмена продуктами деятельности, платность всех товаров и услуг, коммодификацию нематериальных продуктов. Современная форма его выражения – «экономика знаний», когда производство, продажа, тиражирование знаний становятся основным фактором воспроизводства общественного богатства. Знание начинает играть ключевую роль в создании конкурентных преимуществ и формировании экономической стоимости, а также выступает в качестве капитала, подлежащего воспроизводству в экономических циклах. Образование рассматривается в качестве одной из форм функционирования капитала, а расходы на образование расцениваются как инвестиции в человеческий капитал. Университет, будучи вовлеченным в эконоцентристские тренды, трансформируется из классического социального института в экономического субъекта, занимающегося производством научно-образовательных услуг. Маркерами этой трансформации являются коммерческий характер обучения, использование экономических критериев эффективности. Такая трансформация непривычна и болезненна для классического университета, традиционно оценивавшего эффективность своей деятельности в категориях общественного блага, бескорыстного служения обществу.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-13-16001.

Третий вызов – *разгосударствление* социальных институтов. Характерный для рыночно организованного демократического общества, этот процесс существенно изменяет место и роль государства в системе высшей школы, где оно, особенно в России, долгое время времени сохраняло функции чуть ли не единственного заказчика, инвестора и исполнителя образовательной деятельности; побуждает государство к пересмотру характера взаимоотношений с университетом. Чем дальше, тем больше обнаруживается неэффективность тотально государственного управления и централизованного ресурсного обеспечения учреждений высшего образования: обреченность государственных вузов на финансирование по остаточному принципу, нарастающая неспособность государства обновлять и эффективно поддерживать учебно-лабораторную базу образования в условиях инновационных изменений, обеспечивать и материально-финансовыми ресурсами развитие вузовской науки. Разгосударствление высшей школы становится ведущим трендом. Перспективы государственного участия в деятельности учреждений высшего образования связываются отныне с частно-государственным партнерством, созданием условий для притока в высшее образование частных денег, расширением поля деятельности рыночных институтов. Российскими университетами, которые столетиями, вплоть до 90-х гг. прошлого века, создавались, функционировали и развивались в качестве тотально государственных учреждений, тренд разгосударствления воспринимается как вызов, несущий угрозу их существования.

Четвертый вызов – *информатизация* общества и *виртуализация* общественных коммуникаций – в качестве мощнейшего социального тренда означает переход многочисленных социальных коммуникаций из реальной, материально-чувственной области в виртуальную, нематериальную сферу. Виртуализация переводит социальное взаимодействие в интерактивный сетевой режим, расширяя количественный состав его участников и освобождая их от территориальной привязанности. В наибольшей степени процессу виртуализации подвергаются когнитивные отношения в сфере образования. Нарастающее использование в вузе современных информационных технологий, возможностей Интернета обеспечивает невиданную ранее скорость доступа к когнитивным ресурсам, их трансляции и обработки. Данный тренд порождает феномены территориально делокализованного открытого дистанционного образования. Его поборники лелеют идею создания на основе всемирной информационной паутины глобального виртуального университета – Global University, который, по их мнению, в перспективе способен практически полностью заместить традиционные университеты. Будучи территориально локализованными в своих национальных регионах,

они вряд ли смогут составить конкуренцию учреждениям открытого образования.

Следующий вызов – *потребительство* (консюмеризм) как доминирующий тип современного общественного жизнеустройства. Оно приводит к тому, что социализация, субъективация и идентификация большинства людей осуществляются посредством индивидуального потребления, а не творчества. Консюмеризация образования редуцирует полноту взаимоотношений университета и учащихся к клиентурному формату «производитель – потребитель» услуг. Ориентируясь на «безусильственный» образ мысли и действия массового учащегося-потребителя, консюмеризм порождает неоправданное упрощение и облегчение содержания учебных программ; навязывает образовательные продукты-суррогаты сомнительного качества в целях минимизации усилий по их освоению; артикулирует развлекательно-игровое начало образовательной деятельности; влечет утрату образованием сверхценностного для индивида характера, низводя до ценности рядовых потребительских товаров и услуг [3, с. 110-118]. Указанные потребительские установки входят в разительное противоречие с ценностями академизма, которые настойчиво культивировались и тиражировались классическим университетом.

Наконец, последний вызов – *глобализация* общественного развития, в том числе образования, обуславливающая процесс его приспособления к интересам наднациональной рыночной экономики, упрочения единой мировой образовательной системы на основе универсальных стандартов. Образование всех без исключения групп населения становится основным средством воспроизводства общественного богатства и сориентировано на подготовку узкопрофильных профессиональных функционеров, отвечающих запросам глобальной экономики. Согласно глобалистскому подходу, образование должно стать функциональной инфраструктурой системы глобальной экономики. Этому способствует десоверенизация экономической и, как следствие, социальной политики национального государства в эпоху глобализации, лишаящая его возможности противостоять от имени общества образовательной стратегии глобального бизнеса. В таких условиях крупные транснациональные компании и международные надправительственные финансово-банковские структуры становятся полноправными субъектами образовательной политики государства, которая реализуется в различных формах: от учреждения собственных корпоративных образовательных учреждений до участия в проектировании и организации национальных систем образования. Низведение высшего образования до уровня профессионального тренинга составляет беспрецедентный эпохальный вызов миссии классического университета, поскольку, согласно Х. Ортеге-и-Гассету,

она состоит в том, что университет одним своим существованием и деятельностью удерживает общество «в напряжении культуры».

Одним из первых исследователей, вынесших пессимистический диагноз состоянию классического университета, оказавшегося перед лицом глобальных вызовов, стал Б. Ридингс, автор знаменитой книги «Университет в руинах», которая вышла в свет в середине 90-х гг. прошлого века. Стало ясно, что модернизация «храма образования и науки» неизбежна. Ее результатом стало возникновение университетов нового поколения, существенное расширение их предназначения и миссии.

2. Университет 3.0 и его новая миссия

Согласно устоявшейся точке зрения, история университета насчитывает три поколения, отличающихся между собой своими миссиями. Так, миссией университетов первого поколения (U 1.0), возникших в европейском Средневековье, было образование узкого круга людей посредством трансляции культурного опыта прошлого. С начала XIX в. началось формирование второй генерации университетов (U 2.0): помимо образовательной, они обрели вторую миссию – производство научных знаний посредством исследований. Наиболее полное выражение двуединство образовательной и научно-исследовательской миссий получило в проекте В. Гумбольдта «Universitas litterarum».

Университеты обоих поколений представляли своего рода «башни из слоновой кости», закрытые для общественного наблюдения и вмешательства. Самодостаточность их существования оправдывалась самоценным характером производимых ими знаний, стандартов образованности, образцов высокой культуры. Университетское сообщество расценивало свою деятельность как производство общественного блага, не связывая, однако, его непосредственно с удовлетворением практических потребностей общества.

Между тем, начиная с 60-х гг. прошлого века, признаваемая прежде социумом самоценность университетских продуктов уступает место их общественной полезности, социальной востребованности, которые становятся одними из главных мерил деятельности университета. Из автаркического института он трансформируется в социально ангажированное учреждение, обретая функцию своеобразной «станции социального обслуживания». Она призвана быстро и результативно реагировать на запросы общества относительно производимых университетом продуктов, представляющих для этого общества интерес.

Социальная ангажированность стала главной причиной, приведшей к кардинальным изменениям предназначения университета. Она расширила границы его субъектности, предоставив новые возможности стать полноправным актором общественных изменений и участвовать в делах общества в соот-

ветствии с принятыми конкретно-историческими принципами общественного устройства. В данном случае – это экономика знаний, в рамках которой университет может взаимодействовать с обществом не иначе, как на условиях товарно-денежного обмена производимых им продуктов. Указанное взаимодействие весьма многообразно и в совокупности своих компонент составляет новую, так называемую *третью миссию* университета. Вкупе с двумя традиционными – образовательной и научной – она является неотъемлемой стороной университетов третьего поколения (U 3.0), формирование которых началось на Западе с конца XX в.

Теоретики и практики высшего образования по-разному интерпретируют U 3.0, третью миссию и ее составляющие [4]. Тем не менее большинство предложенных трактовок фундируются концепцией *предпринимательского университета*, выдвинутой Б. Кларком почти двадцать лет тому назад [5]. Наиболее удачное, на наш взгляд, определение такого рода учреждения дано современными исследователями: «Предпринимательский университет – это высшее учебное заведение, которое систематически прилагает усилия по преодолению ограничений в трех сферах – генерации знаний, преподаванию и преобразованию знаний в практику – путем инициирования новых видов деятельности, трансформации внутренней среды и модификации взаимодействия с внешней средой» [6, с. 55].

Справедливо относя к ключевым видам дефицита те, которые порождаются ограниченностью человеческих, финансовых и информационных ресурсов, авторы приведенного определения конкретизируют его с помощью матрицы предпринимательской деятельности, представленной в таблице 1 [6, с. 59]. Она дает возможность оценить степень развитости и эффективность предпринимательской активности университета как в каждой из трех областей деятельности, так и в целом.

Основные направления предпринимательской деятельности университета 3.0 – подготовка специалистов-инноваторов, производство и трансфер инновационных продуктов заинтересованным общественным субъектам на возмездной основе, коммерциализация образовательных продуктов, привлечение извне материально-финансовых ресурсов для развития университета, создание объектов инновационной инфраструктуры, формирование предпринимательской культуры сотрудников и студентов и др.

Университеты 3.0 становятся научно-образовательными центрами, открытыми внешнему сообществу и чутко реагирующими на его запросы, среди которых особенно актуальны те, что ориентированы на воплощение идей инновационной экономики. В этом отношении взаимодействие университета с ключевыми общественными субъектами – бизнесом и государством – выстраивается на основе так на-

Таблица 1

Матрица предпринимательской деятельности университета

Сферы деятельности	Виды дефицита и способы их преодоления		
	Преодоление дефицита человеческих ресурсов	Преодоление дефицита финансовых ресурсов	Преодоление дефицита информационных ресурсов
Генерация знаний	Практически ориентированные исследователи. Результат важнее формы и стандарта. Знания, которые работают, в отличие от знаний, которые отвечают академическим стандартам	Глубина решения адекватна финансовым ресурсам	Преодоление информационного дефицита за счет интуиции и озарения.
Преподавание	От преподавания, ориентированного на стандарт, – к преподаванию, ориентированному на нестандартный результат.	Объединение преподавания с решением прикладных задач. Более широкое использование наставничества со стороны компаний.	От проблемы информационного обеспечения академической постановки задачи – к умению решать исследовательские задачи на имеющемся информационном уровне.
Внедрение знаний в практику	От нормы «знания появились», – к норме «появляются только нужные кому-либо знания».	От затрат на внедрение – к финансовым результатам от использования знаний.	Практическое использование создает новую информацию для новых исследовательских задач.

зываемой модели «тройной спирали», теоретически обоснованной Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом. Она описывает процесс поэтапного создания инновационного продукта посредством взаимодействия трех социальных институтов: университета как научного центра, государства и бизнеса, которое в инновационной экономике имеет существенно нелинейный характер и напоминает сцепление спиральных структур ДНК [7].

Трансформация традиционных университетов в учреждения предпринимательского типа подразумевает изменения в их внутренней институциональной среде. Общим знаменателем этих изменений выступает университетский менеджмент. Его сущность – применение идеологий, техник и практик, свойственных частному сектору экономики, в качестве основы управления университетом 3.0. Университетский менеджмент нацелен на максимальную коммерциализацию производимых образовательных продуктов, поиск источников обеспечения вуза финансовыми, материальными, кадровыми ресурсами, развитие предпринимательской миссии [8, с. 70-71].

Формирование университета третьего поколения и его миссии достаточно активно обсуждается в научной литературе. Главную тональность задают сторонники эконоцентристских (управленческого, технологического, собственно экономического) дискурсов, согласно которым причиной трансформации университета гумбольдтовского типа в U 3.0 является неодолимая сила социально-экономических обстоятельств. В этом контексте предназначение университета 3.0 в целом, включая образовательную и научную миссии, трактуется преимущественно в сервелистском ключе: обслуживание актуальных практических запросов общества, удовлетворение его текущих интересов, реагирование на исторически преходящие требования социума. Тем самым существованию университета

придается статус вторичности, производности, непосредственной зависимости от его социально-экономического окружения, ставится под сомнение незыблемость его традиционных устоев – свободного образования и независимых научных исследований, то есть в конечном счете размывается складывавшаяся веками идентичность университета.

О чем свидетельствует такая интерпретация? Об ограниченности эконоцентристских дискурсов с их *idée fixe* «экономизировать» все и вся, которые низводят университет до положения заложника рыночно-потребительских реалий, сохраняя за ним не более чем роль социального сервиса? Или в самом деле о тенденции исторического угасания самоценности университета – великого социально-культурного изобретения человечества? А может быть, указанные дискурсы фиксируют «детскую болезнь» университета в переходный период, переболев которой, он в итоге сумеет возродить черты собственной идентичности в обновленном формате?

Эти вопросы настойчиво напрашиваются в повестку экспертного сообщества, нуждаются во всестороннем обсуждении с различных, а не только эконоцентристских позиций, которые сами становятся предметом острой критики [9]. Предпринимаются попытки уйти от сервелистских трактовок университета 3.0. Так, в недавно вышедшем в русском переводе фундаментальном труде [10] его автор Й. Виссема интерпретирует миссию U 3.0 не в качестве инструмента обслуживания текущих социальных запросов, а способа решения внутренних суверенных задач самого университета в новых условиях [11]. Аналогичную позицию разделяют составители доклада, обобщающего результаты партнерства европейских университетов в рамках программы непрерывного обучения Евросоюза [12]. Имеют место интерпретации третьей миссии, напроочь исключая ее эконоцентристскую трак-

товку. «Когда смотришь на ... вызовы будущего, то понимаешь, что модель 3.0 – это не модель инкубатора стартапов, – полагает О.В. Хархордин. – Когда мы смотрим на то, что говорит ректор Гарвардского университета Дрю Фауст, ее идея в том, что Гарвард велик не тем, что они производят людей типа Гейтса, а тем, что это хранитель культуры и производитель смысла жизни» [13].

3. Российские университеты: на пути к третьему поколению

В силу известных исторических причин российская высшая школа почувствовала мощь глобальных вызовов с почти пятидесятилетним опозданием по сравнению с Западом – лишь в начале XXI столетия. И хотя понятия «университет 3.0» и «третья миссия университета» не получили оформления *de jure*, одним из направлений начавшейся в середине 2000-х гг. модернизации отечественного образования было *de facto* движение в сторону университетов третьего поколения.

Утверждать, что к настоящему времени этот путь отмечен выдающимися достижениями, было бы явным преувеличением. Скорее можно говорить о дрейфе российских университетов (с разными градиентами для разных вузов) в сторону U 3.0 – отчасти самостоятельном, отчасти стимулируемом и поощряемом государством. Речь идет в первую очередь о развитии предпринимательской активности университетов, которая составляет сущность их третьей миссии.

В государственном секторе высшего образования наибольшие успехи на пути к третьей миссии демонстрируют участники проекта повышения международной конкурентоспособности российских университетов (проект «5-200») [14]. Чертами предпринимательской активности отмечена деятельность национальных исследовательских и федеральных университетов. Элементы предпринимательства свойственны лучшим негосударственным вузам – для них это очевидное условие развития. Очередным стимулом для движения в сторону U 3.0 призван стать приоритетный национальный проект «Вузы как центры создания пространства инноваций» [15].

Бытует мнение, что движение в направлении университетов третьего поколения вызвано исключительно интересами национального престижа России на международной арене и оно « по плечу» лишь крупнейшим университетским центрам страны. Наверное, в этом суждении есть доля правды: классических университетов – участников марафона «5-100» – единицы, не более 10 % их количества в РФ. Большинству остальных еще далеко до приближения к показателям деятельности U 3.0, например, до производства и трансфера инновационных научно-технологических стартапов. Не стоит забывать, что исторически отечественная наука развивалась, в отличие от западной традиции, главным образом в

учреждениях Академии наук и в меньшей степени – в университетах, тем более провинциальных.

Тем не менее развитие предпринимательства актуально для всех отечественных университетов по соображению внутреннего порядка, а именно – в региональном аспекте, поскольку подавляющее большинство из них имеют территориальную «прописку» в субъектах РФ. Дело в том, что предпринимательская активность форсирует их участие в развитии своего региона посредством создания разветвленной инновационной научно-образовательной и научно-производственной инфраструктуры с целью реализации конкурентного потенциала территории. В результате региональные университеты становятся одними из ключевых драйверов социально-экономического развития своего субъекта [16]. При этом у них появляется возможность использовать интеллектуальные, материальные, инфраструктурные и другие ресурсы своего региона для решения задач собственного развития. Это крайне важно в условиях ограниченности государственной поддержки высшей школы, необходимости привлечения негосударственных источников ее финансирования. Показателен в этой связи опыт Казанского федерального университета, активно продвигающего третью миссию в Республике Татарстан [17, с. 108-118].

Движение в сторону университетов 3.0 отмечено сложностью и противоречивостью, неоднозначным отношением университетского сообщества. Значительная его часть с сомнением (а некоторые с осуждением) воспринимает такие черты этого процесса, как расширяющуюся коммерциализацию обучения и вытекающую из нее клиентоориентированность образования; безоглядный экономоцентризм «эффективного» университетского менеджмента, бюрократизацию управления и сужение академических свобод; инструментальное отношение к членам научно-образовательного сообщества, которое лишает их деятельность самооценности и подчиняет производству отчужденных от них количественных индикаторов эффективности [18]. В незавидном положении, по сравнению с естественниками и «технарями», оказались университетские гуманитарии, что в последнее время вызывает обеспокоенность руководства федерального Минобрнауки [19].

Но главной проблемой, на наш взгляд, остается откровенно копирующий западные образцы способ движения к новому поколению университетов. Насколько целесообразно некритично перенимать модели зарубежной высшей школы, игнорируя отечественный опыт с его традициями, ценностями, достижениями? Паттерн предпринимательского, как правило, североамериканского университета, на который ориентируются ведущие вузы нашей страны, не лучшим образом сочетается с социальной миссией крупнейших университетов России – массовой профессиональной подготовкой кадров, культурно-

просветительской деятельностью, воспитательной работой. Эта миссия неотъемлема для них, ее никто не отменял и отменять не собирается [20, с. 60-61].

Тем не менее от происходящих в глобализирующемся мире перемен стеной собственной национальной идентичности не отгородиться. В карете прошлого отечественному университету далеко не уехать, он нуждается в модернизации. Каким образом достичь оптимального сочетания различных – традиционной и инновационной, академической и экономической, национальной и глобальной – сторон его деятельности? Поиском ответов на эти животрепещущие вопросы озабочены все, кому небезразличны судьбы российской высшей школы.

Литература:

- Щелкунов М.Д. Университеты перед лицом глобальных вызовов: российский путь // Поиск. Альтернативы. Выбор. – 2016. – № 3. – С. 48-59.
- Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Изд-во «Логос», 2007. – 360 с.
- Николаева Е.М., Щелкунов М.Д., Ившина О.Я. Феноменология потребительства. Личностное и институциональное измерения. – Казань: Изд-во Казанский ун-т, 2014. – 160 с.
- Балмасова Т.А. «Третья миссия университета» – новый вектор развития? // Высшее образование в России. – 2016. – № 8-9. – С. 48-55.
- Clark В. Creating Entrepreneurial Universities: Organization Pathways of Transformation. – Guildford, UK: Pergamon, 1998. – 163 p.
- Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. – 2007. – № 1. – С. 49-62.
- Etzkowitz Н., Leydesdor L. The Triple Helix University-Industry-Government Relations: a Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. – 1995. – Vol. 14. – № 1. – P. 14-19.
- Щелкунов М.Д., Николаева Е.М. Образование в XXI веке: перед лицом новых вызовов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 156 с.
- Хагуров Т.А. Выше образование: между служением и услугой // Высшее образование в России. – 2011. – № 4. – С. 47-57.
- Виссема Йохан Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. – М.: Сбербанк, 2016. – 422 с.
- Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузакина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уиссема // Высшее образование в России. – 2016. – № 9. – С. 40-47.
- E3M-Project. (2012). Green Paper «Fostering and Measuring Third Mission in Higher Education Institutions». – URL: <http://www.e3mproject.eu/docs/Green%20paper-p.pdf>
- Каким должен быть университет будущего? – URL: <http://indicator.livejournal.com/24905.html>
- Движение имиджей. Российские вузы крепнут в борьбе // Поиск. – 2016. – № 25(1411). – С. 6.
- Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций». – URL: <http://government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57yWG1EtMG9ABe.pdf>
- Гафуров И.Р., Васильев В.Л., Кашбиева Р.Р. Инновационные кластеры и социально-экономическое развитие регионов: анализ методических подходов. – М.: «Анkil», 2012. – 292 с.
- Щелкунов М.Д., Николаева Е.М., Фурсова В.В. На пути к международному признанию: Казанский федеральный университет как субъект глобального пространства высшего образования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 140 с.
- Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. – 2016. – № 3. – С. 73-82.
- Исправление расширением. Гуманитарному образованию вернули право на развитие // Поиск. – 2017. – № 5(1443). – С. 8.
- Мягков Г.П., Бухараев В.М. Трансформация классического университета в условиях «текущей современности» // Классический университет: история и современность: материалы Всеросс. с международным участием научно-практической конференции, посвященной 85-летию Удмуртского гос. ун-та; Ижевск, 3-4 февраля 2016 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. – Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 56-61.

New Generation of Universities

*M.D. Schelkunov
Kazan (Volga Region) Federal University*

The paper dwells upon global challenges imposed to the classic University by modern social realities. The response to these challenges is the formation of universities of the so-called «third generation». They combine traditional functions with new entrepreneurial mission. The third mission of the University is discussed in accordance with its numerous interpretations given in academic literature.

Key words: innovation, mission, generation, entrepreneurship, University, knowledge-oriented economy.